

АССОЦИАЦИЯ ЭТНОГРАФОВ И АНТРОПОЛОГОВ РОССИИ
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ ИМ.
Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ (МОСКВА)
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ОМСКИЙ ФИЛИАЛ ОБЪЕДИНЁННОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, ФИ-
ЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН
СИБИРСКИЙ ФИЛИАЛ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРОЛОГИИ

ИНТЕГРАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Москва–Омск
1999

Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов / Под ред. *А.Г. Селезнева, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова*. -

Омск: Издательство ОмГПУ, 1999. - 276 с.

ISBN 5-8268-0314-2

В сборнике научных трудов представлены статьи ученых - археологов, этнографов, языковедов России, Казахстана, Украины, посвященные проблемам интеграции археологических и этнографических исследований. В книге содержится ряд статей по методологическим, теоретическим, историографическим и методическим проблемам археолого-этнографической интеграции. В него также включены статьи, посвященные результатам конкретных исследований археологических памятников и традиционной культуры. В сборнике опубликованы материалы VII Международного научного семинара "Интеграция археологических и этнографических исследований", посвященного 80-летию со дня рождения И.С. Гурвича и 90-летию со дня рождения З.Я. Бояршиновой, проходившего в рамках III Конгресса этнографов и антропологов России (Москва, июнь 1999 г.).

Книга рассчитана на специалистов в области археологии, этнографии, истории, культурологии, лингвистики и других общественных наук.

Рецензент - канд. ист. наук *Б.А. Конилов*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

канд. ист. наук *А.Г. Селезнев* (отв. ред.), канд. ист. наук *С.С. Тихонов* (отв. ред.), д-р ист. наук *Н.А. Томилов* (отв. ред.), канд. ист. наук *М.Л. Бережнова*, канд. ист. наук *С.Н. Корусенко, А.В. Матвеев, С.С. Родионова* (секретарь).

Проведение VII Международного семинара осуществлено при поддержке РГНФ, грант № 99-01-14049 г, РФФИ, грант № 99-06-85023, ФЦП "Интеграция", проект № 586

ISBN 5-8268-0314-2

© Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, 1999 г.

© Коллектив авторов, 1999 г.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАРСОВАЙСКОГО МИКРОРЕГИОНА (К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ)

История формирования русского населения в верховьях Камы и примыкающих к ним правых притоков р. Чепцы достаточно необычна и требует специального рассмотрения. В административном отношении это современные северо-восток Глазовского, северная половина Базинского и северная треть Кезского районов или, проще говоря, - приграничная кромка северо-востока Удмуртии. Когда-то это была территория Карсавинской, Люкской, отчасти Понинской и Гординской волостей Глазовского уезда Вятской губернии, а в 1920-1962 гг. - самостоятельного Карсавинского района Удмуртской АССР. Района сейчас нет, но бывшие его жители достаточно четко осознают себя обитателями некоего карсавинского края (микрорегиона). Особенностью его является расположение на самой высокой в Удмуртии холмистой местности по обе стороны камско-чепецкого водораздела. В этническом отношении северная половина края (к северу от условной линии Понино-Карсавин-Кулига) населена в настоящее время русскими, южная - удмуртами.

Изучение края началось во второй половине XIX в. и связано с именем Н.Н. Блинова (1839-1917), бывшего в начале 1860-х гг. священником в Карсавинском приходе и оставившего о нем серию очерков в "Вятских губернских ведомостях" (1861-1869). Именно за эти исследования он был принят в члены Русского Географического общества и награжден бронзовой медалью Общества. Отдельные сведения о чепецко-верхокамском междуречье приводятся также в сочинениях И. Попова (1854), А. Иванова (1883), Н.П. Штейнфельда (1892), П. Сорокина (1895), Н.Г. Первухина (1896), Д.К. Зеленина (1904), А.Ф. Теплоухова (1925). В 1950-х гг. русский говор северной части Карсавинского района основательно изучил В.Ф. Барашков (1958, 1959), а кайские (верхокамские) говоры в целом - Л.Н. Макарова (1962, 1974, 1998) и В.И. Троицкий (1962). Значительный пласт фольклорных произведений различных жанров собрали филологи Глазова под руководством А.Г. Татаринцева (Русский фольклор Удмуртии, 1977, 1990). Записи исполнительниц народных песен (М. Макаровой, Н. Ведерниковой, С. Шудеговой) осуществили в 1993-1995 гг. ижевские музыковеды С.К. Стародубцева, М.Г. Ходырева, А. Юминов, этнографические материалы края собирают Л.А. Волкова и Е.В. Попова (1997). Сведения о церковной жизни имеются в работах Е.Ф. Шумилова (1996). Данные об археологических памятниках приводятся Н.Г. Первухиным (1896), Ф.В. Стрельцовым (1927), В.Ф. Генингом (1958), М.Г. Ивановой (1979, 1992), Н.И. Шутовой (1992), а их непосредственное исследование производилось также В.А. Семеновым (1957), Г.Т. Кондратьевой (1961-1962), А.Г. Ивановым (1987, 1993-1994), Л.Д. Макаровым (1992-1997).

Территория микрорегиона начала заселяться с эпохи мезолита и неолита (Кельдыковская находка кремневой пластины и сведения о стоянке близ д. Долгоево, собранные А.Г. Ивановым в 1987 г.). Раннесредневековые находки (VIII-X вв.) были случайно обнаружены у дд. Аверята, Макарово, Коротай, Кортышево (серебряные гривны и ссърги, медные и бронзовые подвески) и пог. Утемилъского (серебряное с позолотой блюдо с изображением всадника с соколом), происходят они из разрушенных могильников или кладов (Генинг В.Ф., 1958; Иванова М.Г., 1979). По сведениям Н.Г. Первухина (1896) в междуречье Пызепы и Варыжа находились четыре древних городища, однако они до сих пор не обследованы. В период развитого средневековья были оставлены 4 могильника, при этом на Карашурском и Большеварыжском могильниках X-XII вв. исследованы соответственно одно и два захоронения, а на Чиргинском и Кабаковском XI-XIII вв. - 50 (одно В.А.

Сменовым в 1957, остальные Г.Т. Кондратьевой в 1961-1962 гг.) и 21 (в 1993-1994 гг. А.Г. Ивановым). К XVII-XVIII вв. относится Мартыковский могильник, разрушенный в ходе земляных работ (Шутова Н.И., 1992). Почти все отмеченные выше памятники расположены в южной части края, на территории современного проживания удмуртов. В северной, "русской" его половине в окрестностях Карсовая известны пока три объекта, научным раскопкам еще не подвергавшиеся - Киршатское и Тарасятское кладбища конца XVIII - середины XIX в. (Стрельцов В.Ф., 1927) и селище Данилята конца XVIII - начала XX в., на котором найдена круговая керамика, печная обмазка и фрагмент косы-горбуши (сборы Л.Д. Макарова в 1992-1997 гг.).

По сведениям, собранным Н.Н. Блиновым (клировые ведомости, списки волостных правлений, расспросы старожилов), Карсовайский край начал заселяться не ранее середины XVIII в. Этот вывод подтверждается и пофамильным составом жителей Верхокамья и топонимикой, проанализированных В.Ф. Барашковым на основе материалов переписей Кайгородского уезда 1678 и 1746 гг., большая часть которых повторяется на территории Карсовайского края (например, такие фамилии, как Макаровы, Некрасовы, Власовы, Савины, Бузмаковы, Вседерниковы, Тебенниковы, Чераневы, Варанкины, Светлаковы и др., а также абсолютное большинство названий населенных пунктов). Эти данные позволяют видеть в качестве основного истока заселения края зюздинское Верхокамье (ныне это Афанасьевский район Кировской области). Именно из этого региона в XVIII в. и начинается освоение края.

Не совсем ясен этнический состав переселенцев. В настоящее время к северу от Карсовая проживают русские, к югу - удмурты. По данным Н.Н. Блинова северная половина Карсовайского прихода в середине XIX была заселена коми-пермяками и отчасти русскими, южная - удмуртами, причем "пограничной чертой" между ними с конца XVIII в. служила р. Карсовайка. Пермяки продвигались с верховьев р. Камы и ее левых притоков, удмурты с юга из приходов сел Базезинского, Поломского, из-за Ижевского завода, и есть некоторые из с. Еловского. Земли к югу от Карсовая в административном отношении входили еще в середине XVIII в. в состав верхоцепецкой верхней доли Каринского стана Хлыновского уезда, к северу - в состав Зюздинской волости Кайгородского уезда, и лишь после ликвидации последнего в 1802 г. Карсовайский край оказался в пределах Глазовского уезда Вятской губернии. Помимо Н.Н. Блинова о проживании коми-пермяков в северной части микрорегиона писали И. Попов, А. Иванов, Н.П. Штейнфельд, П. Сорокин, Д.К. Зеленин, А.Ф. Теплоухов и другие. По сведениям Н.Н. Блинова в середине XIX в. пермяки уже говорили на русском языке и почти не знали родного. Это кажется странным, т.к. численность русского населения здесь была очень небольшой: в 1858 г. всего 77 человек из 3996 (пермяков - 2493, удмуртов - 1311, бесермян - 115), в 1863 г. - 88 из 4282 (пермяков - 2702, удмуртов - 1367, бесермян - 125) (Блинов Н.Н., 1864). Блинов склонен объяснять этот феномен тем, что еще в конце XVI - начале XVII в. в Верхокамье "при посредстве колонизации русских, русская речь, нравы и христианство привились и к пермякам". Дело в том, что в это время Зюздинский край заселялся смешанным населением со стороны Кайгорода (Сорокин П., 1895; Макарова Л.Н., 1962). Со второй половины XVIII в., в связи с открытием Сибирского тракта, роль Кайгорода резко падает и он превращается в заштатный город (1797), а затем и в село (1854). Однако бывший до того на протяжении двух веков приток русского населения в Верхокамье из-под Вятки, Вологды, Великого Устюга и других мест оказал определяющее влияние на восприятие местными коми-пермяками русского языка, материальной и духовной культуры. Начиная же со времени запустения края, русское население оказалось изолированным от других областей России, что и привело к интенсивному смешению его с пермяцким, численно явно преобладавшим (Макарова Л.Н., 1962; Макаров Л.Д., 1995). В итоге при сохранении и последующем усилении русского языка и культуры происходит опермячивание рус-

ского населения (Сорокин П., 1895; Штейнфельд Н.П., 1892; Блинов Н.Н., 1861; Зеленин Д.К., 1904). В начале XIX в. приток русского населения из центральных районов Вятской губернии усиливается (Романов Н.Н., 1880), причем движение это шло уже в основном не через Кайгород, а через Глазов, т.к. в конце XVIII в. появилась дорога, связавшая Глазов с Зюздзинским краем (Штейнфельд Н.П., 1892; Барашков В.Ф., 1958).

Таким образом, анализ особенностей русского говора северной части Карсавайского края показал, что "исторически значительная часть современного русского населения северной половины Карсавайского района восходит к коми народности и что сам процесс перехода на русский язык этой части населения завершился ... не ранее первой половины XIX в." (Барашков В.Ф., 1959). В то же время отмечено, что карсавайский говор - "один из типичных севернорусских говоров и наиболее близок к русским говорам Вологодско-Кировской (Восточной) группы севернорусского наречия". Таковы особенности этнокультурной истории Карсавайского микрорегиона. Для уточнения многих предположений и даже выводов необходимо комплексное исследование этой территории, в т.ч. раскопки археологических памятников XVIII-XIX вв. и сбор этнографических, фольклорных и лингвистических материалов.

В. И. Дынин
Россия, Воронеж, университет

СЛЕДЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ МОРДВЫ В СРЕДНЕМ ПОДОНЬЕ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЭТНОГРАФИИ)

Известно, что во второй половине I тысячелетия н.э. территория расселения мордвы охватывала бассейн рр. Мокши, Суры и Цны, доходя на юго-западе вплоть до верховьев р. Цны, а позднее постепенно сокращалась в связи с проникновением сюда восточнославянского населения. Вместе с тем, следы этнокультурного влияния этого финно-угорского народа довольно отчетливо прослеживаются также в Среднем Подонье.

Данные археологии. Так называемая боршевская археологическая культура, распространенная в лесостепном Подонье в VIII - начале XI в. и которая связывается с особой локальной группировкой восточных славян - "донскими славянами", - обнаруживает определенную синтезированность с элементами культуры финно-угорского мира. А.Н. Москаленко, проводившая исследования на боршевском городище Титчиха, делает вывод "о совместной жизни на одном поселении славян и мордвы" [1]. Подобным образом могло обстоять дело и на других поселениях "донских славян".

На памятниках боршевской культуры (городища Титчиха, Животинное, Архангельское, I Белогорское, Большое Боршевское, Воргольское) обнаружены финно-угорские украшения. Вызывалось мнение, что они могли быть заимствованы славянами, не имевшими своих специфических украшений, у финно-угров [2]. На боршевских памятниках встречена мордовская керамика, сопоставимая по форме с керамикой мордовских могильников конца I тысячелетия. По технологическим данным эти изделия мало чем отличаются от славянской посуды. Иными словами, они были местного производства.

В погребальных сооружениях боршевцев прослеживается соединение традиции славянского курганного обряда и деревянных конструкций финских племен. На целом ряде могильников (Боршевском, Лысогорском, II Белогорском, Воронежские курганы) отмечается расположение мо-